

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ “ШИНЕЛЬ” В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Л.Ф. Ильева

Рассматриваются и систематизируются различные истолкования повести Н. Гоголя “Шинель” на протяжении долгой творческой жизни произведения.

Ключевые слова: Н. Гоголь; повесть “Шинель”; интерпретация.

Историческое существование литературных произведений обусловлено отношением к ним различных слоев и поколений читателей и внутренними свойствами самих творческих созданий. Многообразие читательского восприятия и осознания объясняется прежде всего многогранностью и неисчерпаемостью самого произведения. “...Несходное восприятие крупного литературного произведения в разные эпохи, – отмечает М.Б. Храпченко, – в немалой степени зависит от того, что его художественные обобщения вступают в соприкосновение с новыми явлениями действительности, как бы вбирают их в себя. Вследствие этого они расширяют сферу своего воздействия. <...> Частное, локальное ступеньвается, уступая место тем свойствам человеческой психологии, которые живут длительное время, общечеловеческим началам” [1, 220].

Произведения Н. В. Гоголя, в особенности цикл петербургских повестей и “Мертвые ду-

ши”, – серьезное испытание для художественного восприятия читателя. За кажущейся непринужденностью повествования, доступностью и простотой сюжета – бездна мудрости, глубочайший подтекст. Видимая странность, порою даже нелепость вещей, поступков, событий; абсурдность связей, их соединяющих; “лишние”, как поначалу может показаться, подробности в описании – эти особенности художественного мира Гоголя и привлекают необычностью, и отталкивают читателя, не умеющего увидеть за предметной детализацией суть вещей.

Неслучайно даже маститые писатели говорили о том, что открыли для себя Гоголя уже в почтенном возрасте. Юрий Бондарев, например, в одном из интервью признался, что он “приблизился к Гоголю лишь в пятьдесят лет”. А Виктор Астафьев замечал: “Для того чтобы постичь Гоголя... надо родиться Гоголем, или, совершенствуясь духовно, преодолев в себе читательские

стереотипы и мысленную инерцию, научиться читать и мыслить заново” [2, 5]. Писатель считал, что время для истинного постижения Гоголя еще не наступило: “Мы же прочесть его при нашей всеобщей суетности, поверхностной грамотности не смогли” [там же]. Еще раньше мысль о трудности постижения Гоголя высказал В. В. Набоков в известном эссе “Николай Гоголь”. Изучающим русскую литературу иностранцам он советовал: “Не троньте его, не троньте. Ему нечего вам сказать. Не подходите к рельсам. Там высокое напряжение. Доступ закрыт” [3, 225].

Повесть “Шинель” создавалась в пору расцвета таланта Н.В. Гоголя, параллельно он работал и над вторым томом “Мертвых душ”. Это одно из наиболее совершенных в художественном отношении произведений. Оно, как никакое другое произведение русской и мировой классики, привлекало внимание и читателей, и исследователей. В настоящее время в мире насчитывается огромное количество работ, посвященных этому шедевру гоголевской прозы.

Всем известен афоризм, авторство которого обычно приписывается Ф. М. Достоевскому: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя».

Почему же “мы” (т.е. корифеи русской, классической литературы XIX в.) “вышли” из небольшой повести Гоголя? В чем, собственно, состоит ее – столь высокая – историко-литературная значимость? Проследим, как отвечали на этот вопрос исследователи и просто читатели повести.

Внешний событийный ряд повести воспринимался разными читателями приблизительно одинаково. Но есть некая загадка между кажущейся простотой сюжета и неизменно высокой оценкой произведения, которая прослеживается на протяжении всей ее социально-эстетической жизни.

В. Г. Белинский, прочитав эту повесть, воскликнул, обращаясь к автору: “Лучшее из того, что вы написали!” А почти сто лет спустя, поэт и прозаик, человек с чрезвычайно взыскательным литературным вкусом, автор всемирно знаменитый, который редко кого удостоивал похвалы, – Владимир Набоков – выскажется еще восторженнее: “В бессмертной “Шинели”... он стал самым великим писателем, которого до сих пор произвела Россия...” [3, 222].

Как замечает американский профессор Д. Фангер, все предпринятые когда-либо *интерпретации повести “Шинель” можно условно разделить на четыре пересекающиеся категории: общественную, этическую, религиозную и эстетическую* [4, 57]. Каждое из этих начал

не раз было принято за главное в повести. И хотя категории действительно пересекаются, накладываясь одна на другую, мы попытаемся проследить разновременные интерпретации в соответствии с указанными аспектами рассмотрения повести.

Общественное истолкование подчеркивало социальную сторону повести “Шинель”. Акакий Акакиевич рассматривался как типичнейший “маленький человек”, жертва бюрократической иерархической системы и равнодушия.

Русская демократическая критика расценивала повесть как социальное обличение. Она увидела в ней образ униженного и оскорбленного человека. “Он (народ) являлся перед нами в виде Акакия Акакиевича, о котором можно только сожалеть, который может получать себе пользу только от нашего сострадания”, – писал Н. Г. Чернышевский [5, 869].

«Трагедия Башмачкина заключается в том, что он лишен прав на человеческую жизнь, в том, что общество уничтожает в нем человеческое “я”, черты полноценной личности» [6, 240]. Интерпретаторы особенно указывали, что подавленность, приниженность героя писатель особенно остро заставляет чувствовать. Башмачкин – жертва, не осознающая трагичности своего положения, не предполагающая возможности иной жизни.

По мнению М.Б. Храпченко, тему “маленького человека” Гоголь развивает как большую проблему общественной жизни. «Трагедия Башмачкина заключается в том, что он лишен прав на человеческую жизнь, в том, что общество уничтожает в нем человеческое “я”, черты полноценной личности» [6, 240]. Гоголь, отражая социальное неравенство “маленьких” людей, показывает их беззащитность и суровую борьбу за повседневное существование.

Позиция автора произведения подчас оценивалась как решительный протест против существующего строя, социального миропорядка: «Смирение героя “Шинели” отнюдь не означало примирения Гоголя с действительностью. Показывая героя в качестве безропотной жертвы общества, писатель выражал свой смелый протест против социального порядка» [6, 245], – такая интерпретация повести была наиболее характерна для исследователей творчества Н.В. Гоголя в веке двадцатом. Финал повести воспринимался как грозная возможность бунта героя против униженного существования, социальной несправедливости, а потом как ее реализация. Еще поз-

же – как борьба, и даже не героя, а самого автора против деспотизма [7, 15].

В начале XXI в. писатель Руслан Киреев высказал мнение о том, что повесть “Шинель” стала своеобразным проводником влияния революционных идей и на современников писателя, и на последующие поколения (такая интерпретация – не оригинальна: в начале XX века подобный взгляд на произведение тоже существовал [8]). По мнению автора статьи, разбойничал Акакий Акакиевич прицельно, сдирал “со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели”, и родословную персонажа надо вести от шиллеровских разбойников, его бунт против обстоятельств жизни подобен бунту капитана Копейкина из “Мертвых душ”. Р. Киреев ссылается на воспоминания А.И. Герцена.

Прочитируем отрывок из книги А. Герцена “Былое и думы”: «Какая страшная повесть Гоголева “Шинель”, – сказал раз Строганов Е. Коршу, – ведь это привидение на мосту тащит просто с каждого из нас шинель с плеч. Поставьте себя в мое положение и взгляните на эту повесть.

– Мне о-очень т-трудно, – отвечал Корш, – я не привык рассматривать предметы с точки зрения человека, имеющего тридцать тысяч душ» [9, 2, 176], – в этом диалоге принимает участие Сергей Григорьевич Строганов, генерал-адъютант, и студент Е. Корш. Опасность социального бунта, которую несет образ Башмачкина, интуитивно чувствует граф Строганов.

Такая интерпретация образа главного героя повести и выявление ее революционизирующего начала перекликается с тем, о чем утверждал в начале XX в. самый страстный оппонент Н. Гоголя – философ, критик, публицист Василий Розанов. Он спроецировал образ автора на образ его героя.

В 1902 г., определяя роль Н. Гоголя в своей жизни и в жизни России, Розанов писал: “Тоголь – огромный край русского бытия. Но с чем же он пришел к нам, чтобы столько совершить? Только с душою своею, странною, необыкновенною. Ни средств, ни положения, ни, как говорится, “связей”. Вот уж Агамемнон без армии, взявший Трои; вот хитроумно устроенный деревянный конь Улисса, который зажег пожар и убийства в старом граде Приама, куда его ввезли. Так Гоголь, маленький, незаметный чиновничек “департаментов подлюстей и вздоров” (“Шинель”), сжег николаевскую Русь...” Известная фраза: вся русская литература вышла из “Шинели” Гоголя – у Розанова в “Апокалипсисе нашего времени” (1919) разовьется в “эпilog”: “Соб-

ственно, никакого сомнения, что Россию убила литература”. По мнению Розанова, смех Гоголя – “пустынный смех”, “безыдейный хохот”, но этот смех пронесся по Руси, круша все на своем пути и предвещая грядущие разрушения.

Интересно, что в 70-е годы прошлого века социальный аспект повести привлек внимание превосходного художника-графика Саввы Бродского. Он создал оригинальную серию графических листов к повести “Шинель” (1978–1981) [10]. Назвать эту работу иллюстрациями можно лишь условно. Художник, отталкиваясь от конкретных гоголевских образов, воссоздает не только конкретное историческое время. Стремясь обнажить суть произведения, он использует язык метафор. Земля, затянутая в шинельное сукно. Леденящие своей геометрической правильностью холодные петербургские пейзажи. Человек, затерявшийся среди гербовых пуговиц... Изобразительные метафоры понятны и особенно впечатляющи. Они высвечивают нити, ведущие от повести Гоголя в настоящее. Одиночество и затерянность человека, враждебность ему самого мироустройства – эта тема стала здесь общей и в литературном произведении, и в произведении художественной графики.

Несколько иначе интерпретировал социальный аспект повести поэт А. Галич. Для него Акакий Акакиевич Башмачкин – тоже символ неравенства, но одновременно символ стремления к материальному благополучию. “Современный Башмачкин”, по мнению поэта-барда, “на что угодно пойдет: на любую подлость и преступление, на любой донос и предательство” лишь бы получить розовый пропуск на жизнь в ином, особом, спецобеспеченном мире. “...Тяжело ворочается вермишель чиновных мозгов – а нет ли такой системы неравенства, которая была бы не преходящей, а вечной, не зависела бы от звания и чинов, от того, кто сегодня на самом верху, от времени и обстоятельств и с лихвой искупала бы собственную дурость?!” [11, 280] – так, довольно жестко, характеризует Галич мир духовных устремлений Башмачкина и многих своих современников, всеми силами рвавшихся к материальному благополучию.

Этическое или гуманистическое истолкование повести строилось на “жалостливых и сентиментальных” моментах “Шинели”, “гуманном месте”, призыве к великодушию и равенству, который слышался в слабом протесте Акакия Акакиевича против канцелярских шуток: «“Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?” – и в этих проникающих словах звенели другие

слова: “Я брат твой”» [12, 3, 123]. Сострадание к человеку вне зависимости от его социального положения – вот нерв не только гуманистической литературы XIX, но и всей последующей литературы. Отсюда, по-видимому, и правомерность фразы – “Все мы вышли из гоголевской шинели”.

Жалеть или не жалеть Акакия Акакиевича – вопрос этический, который подавляющее число читателей решает в пользу сочувственного отношения к герою. Но существует и иная точка зрения. Она обнаруживается в работе, которую в середине девяностых годов XX в. создали эссеисты Петр Вайль и Александр Генис. В литературно-критическом эссе “Бремя маленького человека” они предполагают, что Акакий Акакиевич – первый черновик Чичикова и жалости не заслуживает. Заурядность, серость, ограниченность, а также бережливость, терпение и усердие – качества, характерные для обоих героев. «Не добрый, не умный, не благородный, Башмачкин – всего лишь представитель человечества. Самый что ни на есть рядовой представитель, биологическая особь. И любить, и жалеть его надо только за то, что он тоже человек, “брат твой”, как учит автор... Что любить его надо за то, что он жертва... Но сам Гоголь не был уверен, что маленький герой безусловно положительный. Не потому ли он, не удовлетворившись “Шинелью”, взялся за Чичикова?» [13, 100]. Для этого героя возжеланная цель – “жизнь во всех довольствах, со всеми недостатками” (Н.В. Гоголь) – это его “шинель”, заветная мечта. Очевидно, что некоторое допущение прослеживается в размышлениях авторов об уверенности и неуверенности Гоголя, но и в этой свободе трактовки повести есть своя логика.

И на дне самой исковерканной души Гоголь находит человеческое содержание; человеческое в человеке неистребимо при любом унижении – утверждает писатель.

Эстетическое начало произведения выдвинулось на первый план в работах XX в., оно фокусировалось главным образом на форме повести как на средоточии ее ценности. основополагающей стала работа авторитетного литературоведа Б.О. Эйхенбаума. Он увидел в “Шинели” не столько повесть, сколько сугубо художественный, квази-театральный монолог, образец свободы писателя, вольного “нарушать обычные пропорции мира” и “соединять несоединимое” [14, 306–326]. Основываясь на этом взгляде, структуралисты обнаружили добавочные уровни значений в “Шинели”.

В центре внимания исследователей была и специфика жанровой формы произведения, определившая структуру повествования, и развитие сюжетного действия, соотношение реального и фантастического, и построение характера героя. “Стилевая многослойность, неоднородность художественных образов, двойной – комический и трагический пафос повести” [15, 160] и сегодня в центре внимания литературоведов. В повести обнаруживается и ориентация на различные жанровые формы: анекдот, житие, антижитие.

Религиозное начало повести стало предметом внимательного рассмотрения в последнее десятилетие, хотя традиция выявления философско-нравственного содержания произведений Н.В. Гоголя ведет начало с книг представителей религиозно-философской мысли В.В. Зеньковского и К.В. Мочульского. Проблема отражения в позднем творчестве писателя – периода второй редакции “Портрета” и второго тома “Мертвых душ” – традиций житийной литературы довольно активно обсуждается в современном литературоведении.

О влиянии на повесть жития св. Акакия в частности и агиографического жанра в целом размышляет Дмитрий Емец в работе “Житийные традиции в повести Гоголя «Шинель»” [16]. Исследователь детально прослеживает историю такого рода толкований, обобщая предыдущие исследования, посвященные этой теме, и пытается выработать на их основе целостный взгляд на “Шинель” как на произведение, испытавшее на себе несомненное влияние агиографического жанра. В работе проводится анализ общих традиций житийного жанра, объединивших житие св. Акакия, приведенное преподобным Иоанном Синайским (“Лествица”) и повесть Гоголя “Шинель”. Причем, кроме бросающегося в глаза внешнего сходства судеб св. Акакия и героя Гоголя, прослеживаются основные общие моменты сюжетного развития: послушание, стоическое терпение, способность выносить разного рода унижения, далее смерть от несправедливости и жизнь после смерти. Судьба Акакия Акакиевича для автора является примером неосмысленного монашества, напрасного расходования подвижнических дарований.

Тема житийных традиций в повести “Шинель” интенсивно разрабатывается. В последние годы появилось немало работ, в которых делаются попытки ее осмысления. Наиболее полно эта тема раскрывается в статьях Ч. де Лотто “Лествица «Шинели»” [17], Ю. Манна “Карнавал и

его окрестности” [10] и книге О. Дилакторской “Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя” [15].

Очевидно, что общественное и этическое истолкования – самые характерные в интерпретации гоголевского произведения, они сохранялись на протяжении долгого времени жизни повести, именно эти аспекты произведения вызвали наиболее активные и противоречивые читательские отклики. Эстетический аспект был в центре внимания литературоведов, специалистов-исследователей. Религиозный аспект в истолковании повести особенно выдвинулся в последнее десятилетие в связи с ростом интереса к нравственной, духовной жизни человека.

Единственно правильной интерпретации литературного произведения, конечно же, не существует. Она – разная. Неизменным остается лишь гоголевский текст. В сложном и пока еще мало изученном процессе эстетического функционирования творений художественной литературы участвуют многие факторы: и характер исторической эпохи, и читательское восприятие, тенденции литературной критики, художественная интерпретация в последующей литературе, и его “инобытие” в других видах искусства. Многообразие интерпретаций гоголевской “Шинели”, которых становится все больше, представляет собой особую ценность, ибо оно свидетельствует о продолжающейся жизни произведения.

Литература

1. *Храпченко М.Б.* Художественное творчество, действительность, человек // Собр. соч.: В 4 т. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – Т.4.
2. *Астафьев В.* Во что верил Гоголь // Литература в школе. – 1989. – № 5.
3. *Набоков В.* Николай Гоголь // Новый мир. – 1987. – № 4.
4. *Фангер Д.* В чем же, наконец, существо “Шинели” и в чем ее особенность // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. – М., 1995.
5. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т.7.
6. *Храпченко М.Б.* Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя. – М.: Современник, 1984.
7. *Киреев Р.* Революционер Акакий Акакиевич // Литература. – 2000. – № 5.
8. *Розанов В.В.* Как произошел тип Акакия Акакиевича // Русский вестник. – 1894. – Март.
9. *Герцен А.* Былое и думы // Собр. соч.: В 4 томах / Общ. ред. и коммент. Г.Г. Елизаветиной. – М.: Правда, 1988. – Т. 2.
10. *Савва Бродский.* Вст. ст. А.И. Матвеева. – М.: Изобразительное искусство, 1988.
11. *Галич А.* Возвращение. – Л.: Музыка, 1990.
12. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В.Р. Щербины. – М., 1984.
13. *Вайль П., Генис А.* Родная речь. Уроки изящной словесности. – М.: Независимая газета, 1995.
14. *Эйхенбаум Б.О.* Как сделана “Шинель” Гоголя // Эйхенбаум Б.О. О прозе. – Л., 1969.
15. *Дилакторская О.Г.* Фантастическое в “Петербургских повестях” Н.В. Гоголя. – Владивосток, 1986.
16. *Емец Д.* Житийные традиции в повести Гоголя “Шинель”. – <http://www.proza.ru/2001/1209-02>
17. *Де Лотто Ч.* Лествица “Шинели” // Вопросы философии. – 1993. – № 8.